

ni - mae do - ne - tur
die See - le er - ben

18+

ЕЛЕНА НОВОЖИЛОВА

si glo -
ses Herr -

ХОРОШО ТЕМПЕРИРОВАННЫЙ ДНЕВНИК

Pa - ra - die -

si glo - ri a, pa - ra
ses Herr - lich - keit, Pa - ra

si glo - ri a,
ses Herr - lich - keit,

sotto voce

Елена Новожилова

**Хорошо темперированный
дневник**

«Издательские решения»

Новожилова Е.

Хорошо темперированный дневник / Е. Новожилова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514266-5

Разные люди взрослеют очень по-разному. «Хорошо темперированный дневник» — это лирический монолог подростка из 90-х: музыка, квид, эротика, выпускные экзамены, магия, европейская философия, психология, что делать с первой любовью и т. д. Но кому же на самом деле посвящен дневник? «Стертый» сюжет автофикшн не дает возможности понять сразу. Настоящий адресат проступает в тексте постепенно и отображается на всей его поверхности, как голограмма.

ISBN 978-5-00-514266-5

© Новожилова Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Первая часть	7
Вторая часть	9
Третья часть	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Хорошо темперированный дневник

Елена Новожилова

© Елена Новожилова, 2020

ISBN 978-5-0051-4266-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Давным-давно – а на самом деле это только так кажется, потому что мир еще не был связан воедино, не знал интернета, мобильных телефонов, социальных сетей, чатов, зума и блокчейна, – так вот, давным-давно в России тоже жили люди. И, как и мы сейчас, они верили, что даже самая трудная судьба дается и проживается не зря.

*В 1986 году на Южном Урале, в Челябинске был основан детский музыкальный коллектив (позже он по естественным причинам стал молодежным). Педагоги задались вполне безумной по тем временам целью: собрать не «зайчиков», а полноценный гастрольный хор с академическим вокалом и репертуаром для лучших сцен страны. Органное первое отделение: *Stabat mater* Перголези, Бах, Глюк, Букстехуде, Шуберт, Гуно, восьмиголосная *Regina coeli*, зажженные свечи на *Ave Maria* Каччини. Фортепианное и акапельное – второе: русская духовная музыка, фольклор, Эшпай, Таривердиев, а затем и Дунаевский, и Гершвин... Этот коллектив просуществовал восемь лет, успев дать концерты в Домском соборе и зале Вагнера в Риге, в Малом зале Московской консерватории и (до возвращения РПЦ) храме Зачатия праведной Анны в Зарядье, в Капелле Санкт-Петербурга и на многих других концертных площадках в России и за рубежом, выступить в Останкино. Регулярно он собирал слушателей на творческие отчеты в челябинском Органном зале. В 1992 году (верна ли эта дата?) в одной из столичных студий была записана пластинка.*

В это время за стенами филармонии рушилось государство. Гастроли в Уфе совпали с техногенной катастрофой и выбросом фенола в реку Белая – вода в городе была отравлена на полгода. Провозгласила суверенитет Латвия: границы закрылись, и из Риги пришлось уезжать спешно, на последнем поезде. Повсюду звучало слово «танки». Инфляция отменила гастроли в Германии накануне выезда – и в итоге стала причиной развала самого хора. (Позже чуть ли не треть хористок уехала в США и Израиль.) Где-то хранится так и не увидевшая свет студийная запись – на студии? на складе погибшей в 2002-м «Апрелевки»?

В 2013 году перестал существовать Органный зал. И, возможно, единственным артефактом остался написанный в августе 1995-го «Хорошо темперированный дневник». Он никак не воспроизводит тогдашние суровые времена – политику, экономику, содержание прессы (что неудивительно, ведь для подростка все это дело десятое). Но он в малой степени отражает и быт самого хора. Он обращен к предметам метафизики и показывает ежедневные, на протяжении нескольких лет, речевые усилия и их результат – рождение первичной речи, еще не делимой на текст, мелодию и молитву.

Время – это белесый густой туман. За ним все дальше и дальше от нас уходит строгая и искренняя пора конца 1980-х – начала 1990-х. Она последней ускользнула из мирового невода Интернет. Но кое-что от нее осталось в памяти – это и предлагается сейчас читательскому вниманию.

Первая часть

– Где розы мои,
фиалки мои,
где мой светлоокий месяц?
– Вот розы твои,
фиалки твои,
вот твой светлоокий месяц.

Народная песенка, Древняя Греция, X век до н.э.

• Иногда интересно бывает порассуждать о каком-нибудь человеке из числа моих знакомых. Например, наша литераторша Ирина Николаевна. У нее, как мне кажется, не очень красивая фамилия – Шишкина. Такому явлению, как наша Ирина, нужно что-нибудь более звучное.

Ирина привыкла говорить резко и грубо, исключительно правду-матку, то есть обзывать и унижать нас. Похоже, ей это доставляет удовольствие. Учеников она не ставит ни во что. Она красивая жена нового русского, чересчур красивая для учительницы литературы. Но сколько меду, столько и яду.

Сегодня на День учителя наш класс читал стихи, над которыми мы с Маринкой и Серым бились неделю. Было стихотворение и для Ирины. Она смеялась от души и искренне, первый раз мы видели ее беззлобный смех. Привела в школу маленького сына.

А стишок у нас неплохо получился. Особенно концовка, ее придумала Маринка:

«Свет мой зеркальце, скажи
да всю правду доложи:
кто же в школе всех милее,
всех румяней и белее?
Что же зеркальце в ответ?
– Отгадай сперва, мой свет:
и стихи она читает,
и с урока выгоняет,
и красива, и умна.
Отгадайте, кто она?»

Ну тут, конечно, все оглушительно кричат: «Ирина Николаевна!!!»

Хотя если честно – в этой школе всех милее Лера.

• У меня три подруги и один друг. Двое в школе – Маринка и Серый, двое на хоре – Юля и Аделя. Много? Мало?

• Все мечтаю, как я приведу Маринку на репетицию хора: она учится в музыкальной школе, но хочет бросить ее и петь просто так, для души.

Это будет пятница (в пятницу приходит Лера) и сводная репетиция (в сводную приходит наша прима Наташка Масловская). Мы сядем слева от фортепиано, там, где на стене заканчивается ряд афиш, а рядом со мной Лера, а перед нами сядет Ольга Кораблева, когда будет петь сопрано в трехголосье. Маринка будет хлопать длинными ресницами и спрашивать у меня: «А это кто? А это что?» И Лера попросит познакомить ее с Маринкой. В это время Дашка Тарасенко скажет что-нибудь смешное до чертиков, как она умеет, и Маринка будет смеяться громче всех.

Когда репетиция закончится, когда почти все уйдут, Кира Львовна будет прослушивать Маринку. И Юлька с Аделиной, как самые любопытные, останутся посмотреть. Кира будет довольна Маринкиным голосом и скажет: «Приходи к нам, если захочешь». Маринка согласится. И когда совсем все уйдут и останется одна Лера, мы втроем пойдем на остановку домой.

- Я слышала однажды, что сны с четверга на пятницу – вещие. Решила их записывать, чтобы проверять, насколько они сбываются.

Сегодня мне снилось, что я иду на день рождения к моей подруге по хору Юле. На улице легкий снежок. В доме у именинницы уютно и светло. Собрались все Юлькины друзья. Тут же и Лера. Мы садимся за праздничный стол, и Аделя желает имениннице здоровья и «пусть пошлет тебе Аллах мальчишку в джинсовых штанах».

Но вот уже гости расходятся. Мы с Лерой стоим в коридоре возле кухни. Мои волосы распущены, и Лера плетет мне косу.

- Куранты бьют. Вот и кончился год... Каким он был для меня? Гастроли хора «Росинка» («Керосинка» по-нашему) в Ганновере, в Петербурге и Риге. Загранпаспорта, марки и латы, мощные улицы, голуби в Эгидиенкирхе, лебеди в Юрмале и утки в Даугаве. В промежутках между поездками – школа. Друзья. Серый. Маринка. Я помню Леру десятого апреля. Дай Бог, чтобы она всегда оставалась такой. Дай Бог ей здоровья. И дай Бог (тише, тише, шепотом) нам с Лерой любви друг к другу. Аминь.

Вторая часть

...Старик влюбился бы
в ту грудь, в те миррой пахнущие волосы.

Архилох, VII век до н.э.

• Снова был сон с четверга на пятницу. Я, Аделька, Зоя Коптеева, другие знакомые из хора идем на день рождения к Лере. Мы идем по дороге от моей дачи в сторону города и уже поднимаемся на виадук. На дороге нет ни одной машины. Лето, ярко светит солнце... Справа от дороги рошица, и березки подступают к самой насыпи.

Мы с Аделей идем взявшись за руки. Под одной из берез растет огурец величиной в полметра, я показываю на него Адельке. Мы заходим в рощу и видим, что под деревьями растет множество арбузов, очень крупных, огромных. Я хочу сорвать один и подарить Лере, но арбузы не совсем созрели, и я оставляю.

Но вот мы добрались до места: Лера живет в центре города, у «Детского мира». Нас человек пятнадцать, мы все вошли в дом. Через некоторое время, после угощения, мы с Аделей рассматриваем книги, стоящие в шкафу. Вдруг мне попадает тетрадка в красной обложке: это тетрадь с моими рисунками, мой прошлогодний подарок Лере.

Когда мы выходим от именинницы, на дворе уже осень. Небо затянуто облаками, падают сырые листья, моросит мелкий дождь.

• Сегодня на репетиции в Органном зале я сидела с Тарасенкой. Между прочим, у меня на листке с партией *Quando corrus* Перголези Ольга Кораблева когда-то написала: «Тарасенко опухла». Это было в декабре: Дашка ходила в солярий и сожгла себе лицо. Ну а Кораблева не упустила случая приколоться над Тарасенкой, которая всегда смеется первая. Сегодня же Дашка была не в настроении и не обратила внимания на кораблевский автограф.

Ксения по-прежнему в своем репертуаре, а теперь еще и Масловская ведет себя как пятилетняя. Кораблева с Коптеевой целый вечер над чем-то хохотали... Ну так и есть, все посходили с ума. А Лерочка сегодня такая лапочка! Прилетела в Органный зал в пятом часу вечера (притом что репетиция начинается в три), еле пролепетала Кире «извините». Кира ей тут же сказала, что ее потеряли дома и звонили уже сюда, и она отпросилась на вахту позвонить. Потом взяла стул и под села к нам, все стали снова петь. Не прошло и пяти минут – Лера делает несчастное лицо и говорит: «Кира Львовна, можно мне в одно место выйти?» Вот такая она у нас артистка.

• Наталья Масловская – примадонна, «гордость хора», как говорит Кира. И эта гордость хора непомерно капризна и хитра. А мне это известно как никому другому, ведь мы с ней и Лерой учимся в одной школе.

Чего стоит один только скандал на вильнюсских гастролях, когда ее фамилия появилась в программке с опечаткой: Наташка закатила истерику и пригрозила, что откажется выступать. А сегодня она не явилась на репетицию – третью по счету. Кира стала звонить ей домой – десять утра – и напоролась на ответ, что Наташка там «не одна», отстаньте, мол.

• А вчера было десятое апреля. Вы не знаете? Ну хорошо, маленький намек на это можно увидеть в записи от первого января. Прошел год, как... Надо ли все объяснять снова?

Хотя этот день у меня для того, чтобы помнить. Мы разделили праздничный обед с Маринкой, больше никто не знал. И больше других ничего не знала и не догадывалась виновница этого импровизированного торжества.

Но это не навсегда, я надеюсь. Когда-нибудь она узнает все. И ты ей в этом поможешь, бэби. Да-да, именно ты. Я не знаю, какой ты будешь через год, два, десять, сто, но то, что ты поцелуешь ее хоть раз живую, а не на группенфото – это точно. И я желаю тебе в этом успеха.

• Который день, который уже месяц я не нахожу покоя. Я хочу написать замечательное стихотворение: с помощью слов нарисовать тебя.

Неделю назад я видела сон. Мы с тобой лежали в постели. Мы вдвоем. Я не знаю, что это была за комната, но нам там было хорошо. В комнате рассвело. Я приподнял голову с подушки и смотрел на тебя. Ты проснулась. Твое лицо не было ни радостным, ни грустным; твои глаза смотрели на меня и – это слово пришло сейчас – отражали небо.

Потом я пошел в ванную. Что я там делал – не помню. Я вернулся в спальню, тихо лег, стараясь не потревожить тебя. Ты смотрела на меня прекрасными своими глазами. Я осторожно, опасаясь, что от моих рук может плохо пахнуть, обнял тебя и зашептал в твое левое ухо (а я лежал справа от тебя) что-то деловое и совершенно неуместное. А ты коснулась моей щеки губами (или мне это показалось?). И твои глаза – эта фраза неотделима от сна – отражали небо.

Это видение преследует меня уже неделю. Я жду не дождусь сентября, когда начнутся репетиции и мы с тобой вроде бы должны встретиться. А пока мечтаю о тебе. Пытаюсь воскресить тебя в памяти. Но твой облик недоверчив: я в состоянии вспомнить отдельные детали – профиль, фигуру, кудряшки; всю же тебя – не могу.

...
...
...

Завещание

*В случае моей смерти передайте, пожалуйста, моим дорогим
Кире Львовне,
Аделине Петровне,
Юлии Александровне,
Марине Александровне,
Ольге Александровне,
Зое Николаевне,
Валерии Михайловне,
Серееже,
папе и брату Диме,
что я их очень, очень и очень люблю.*

...

Открытое письмо

Дорогая Лера! Я не знаю, когда ты прочтешь это письмо; не знаю, когда я наберусь смелости отправить его тебе. Знаю лишь, что ты очень удивилась. Скорее всего, более странного послания тебе не приходилось еще держать в руках.

Знаешь, с некоторых пор я очень хочу быть рядом с тобой. Как это открылось и на какие хитрости я пускалась, чтобы приблизиться, – это отдельный большой разговор. Сейчас же – о тебе.

...Об этом трудно говорить. Я не умею себя выразить, к тому же наверняка ты слышала подобное от многих молодых людей...

Нет, так не пишут письма. Нужно переписать заново.

Третья часть

И горю, как долгой ночью горят
звезды блестящие в небе.

Ивик, VI век до н.э.

• Я всегда смотрела сны как кино. Год назад или около того даже завела тетрадку, куда стала записывать содержание самых интересных снов. Но таких, как этот, вчерашний, у меня в жизни не было. Я видела и кошмары, когда человек сгорал заживо в самолете; я плакала все утро, когда мою подругу утопили бандиты; я поднималась на крышу небоскреба на бревне, подвешенном на двух цепях (вместо лифта); я видела многосерийные мультфильмы, где звери соревновались на первенстве по серфингу; я могла действовать во сне по своему усмотрению; я даже пару раз была во сне женщиной. Но этот, вчерашний... Обычно, просыпаясь утром, я сразу отключаюсь от сновидения и понимаю, что это не явь. Вчера же очнулась только к вечеру. Ближе к ночи решила записать сон в тетрадь – получилось скомканно и непонятно. Попробую переписать, может, что-то прояснится.

Комната-прямоугольник, точнее, параллелепипед. Две стены очень длинные, две другие – небольшие, и во всю ширину одной из них – окно. У окна ширма из грубой некрашеной фанеры и маленький столик; у стены напротив – большой стол. Свет дневной, но в окне видна лишь завеса белого тумана или снега. Ножки столов удлинены – это завершает гротескную картину.

Я стою рядом с большим столом. На нем сидят мои знакомые из хора «Росинка»: плохо запомнила, кто именно. Кажется, Масловская, Зоя Коптеева, Юля, Аделина, Даша (обе Даши? нет, только Даша Тарасенко), Дементьева, Коркина, Юсупова... Нет, ведь столько человек просто не поместится на столе. Их было всего пятеро или шестеро. А за ширмой, у холодного окна, Лера и ее лучшая подруга Ольга Кораблева. Я не запомнила причину, по которой они должны были раздеваться; это должно было быть в порядке вещей... Но тут началось что-то непонятное. Стоя уже возле ширмы, а она довольно низкая, я могу видеть, как Лера (да, да, это она начала первой), скажем так, тискает Ольгину грудь и пытается поймать губами сосок. Ольга уворачивается, улыбаясь.

Общество на столе зашевелилось, зашумело. Стали обсуждать меня, наверное, потому, что я уже сижу на маленьком столике и наблюдаю происходящее за ширмой. А там разворачиваются события. Ольга приняла условия игры и взяла инициативу на себя... что она делает с Лерой, просто уму непостижимо... я еще нигде такого не видела... Сердце мое начинает бешено колотиться, дыхание сбивается. Неожиданно ловлю себя на желании быть третьей... вспоминаю: третий лишний. Меня с головою топит грусть.

Из противоположного угла комнаты слышен чей-то серебряный смех – колокольчик... Коптеева злорадно усмехается со стола...

Я между небом и землей, между Лерой и Ольгой, пытаюсь постичь, что они чувствуют, о чем думают сейчас... Я – не я...

Лера, как в замедленной киносъемке, открывает рот, показывая хищный оскал зубов, и впивается в Ольгу... глаза ее закрыты, Лера в экстазе.

Вот я снова рядом с большим столом. Все там сидящие шепчутся. Серебряный смех – колокольчик... Масловская высказывает глупое и неуместное – но свое! – мнение о происходящем. Аделя грустно молчит.

Невесть откуда взявшаяся, расстеленная на полу в центре комнаты белая простыня. Она идет от окна, от ширмы, до большого стола, до меня. Лера – наверное, ее толкнула Ольга, –

не одетая ни во что, оказывается лежащей на этой простыне, голова ее здесь, рядом, и волосы касаются моих босых стоп. Здесь мне придется пропустить... понимаете, сложно сдержаться... в общем-то это неважно... короче, когда я нагнулась к ней, Ольга успела утянуть ее к себе вместе с простыней. Второе действие происходило уже на полу. Помню смутно: я молча стояла рядом.

Как бы мне хотелось сочинить продолжение этого сна, где Ольга наконец удаляется, а я подхожу к ней, целую... Но нет, не стоит: она будет и так измучена этим сном. Не стоит приукрашивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.